

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Вдогонку»

«The Good Trip»

Ursula Kroeber Le Guin

Editor: Alex. Bruch. MIA

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Вдогонку»

Le Guin

“The Good Trip”

1970 © *Ursula Kroeber Le Guin*

1970 © автор Урсула Кроубер Ле Гуин

1997 © переводчик И. Тогоева

21.09.2017 © оформление Alex-Rus

21.09.2017 © редактор Alex.Rus.UA

Le Guin

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA

COPYRIGHT © 1970 BY URSULA KROEBER Le Guin

Аннотация

В своей мистической притче 1970 года «Вдогонку» (в оригинале «The Good Trip») гениальная [Урсула Кроубер Ле Гуин](#) ([Ursula Kroeber Le Guin](#)) в очередной раз размышляет на извечную тему одиночества и невосполнимых потерь, разбавленную неутолимым стремлением к Великому. В этот раз, впрочем, изыскания персонажа происходят на фоне химических суррогатов любых достижений, стремлений и ощущений.

«Если насилие неизбежно, расслабьтесь и наслаждайтесь», — размышляет главный герой перед дозой «путешествия», ведь ему кажется, будто только пагубные порождения химической науки могут «освободить его от этого безумия» тягостной реальности, поскольку в нашем перенаселённом мире с каждым годом остаётся «столь мало законного, что даже ребёнок может быть незаконным».

Произведение это категорически рекомендуется к прочтению лицам всех возрастов, полов, рас и уровней духовно-ментального развития, а именно всевозможным (анти)гуманоидам, (квази)рептилоидам и конкретно (не)определившимся. Его можно также рекомендовать в качестве дополнительной дозы к исправительно-воспитательным процедурам (пренебреженно в добровольно-принудительном порядке) всем тяжело наркозависимым от «Подляпиных» и от прочих альтернативно одарённых проповедников «радиоактивного пепла»; равно как и вообще прописывать всем патологически устойчивым мутантам массовой великокацапской селекции «[homo soveticus](#)», неизлечимым маниакально-великодуховным «гундяефилам» и параноидально-шизопатическим «гейропофобам». Не будет оно лишним и для бесноватой когорты великорабелепных верноподданных «[руSSкага міра](#)» и, возможно, даже для фанатично-кровожадных апологетов «[Третьего Рима](#)», Рейха, Вавилона иже с ними...

21.09.2017 © [Alex.Rus.UA](#) АКА [Alex-Rus](#)¹

¹ Редакция 21.09.2017 г. фантастического рассказа (мистической притчи) «Вдогонку» (в оригинале «The Good Trip», автор [Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin](#), 1970 г., переводчик И. Тогоева, 1997 г.) на основе текстового файла от 05.04.2001 г.. (прим. ред. [Alex.Rus.UA](#))

От автора

Этот рассказ был опубликован, когда наркотики стали предметом широкого обсуждения, и кто-то заявил², что я решила нажиться на больной теме. Меня это очень повеселило, учитывая, во-первых, мой талант, позволяющий мне неизменно промахиваться мимо модных тем, а во-вторых, тот факт, что в моём маленьком рассказике Льюис как раз не принимает наркотик. Он уходит из реальности сам... с помощью друзей.

Но это и не рассказ «против» наркотиков. Я искренне полагаю, что наркотики (будь то анаша, галлюциногены или алкоголь) нельзя запрещать, но нужно объяснять их вред. Я не³ могу не признать, что люди, расширяющие границы своего сознания, просто живя, вместо того чтобы глотать химикалии, обычно находят куда больше,⁴ что рассказать. Но я и сама наркоманка (табак), и было бы глупо с моей стороны осуждать или прославлять кого-то за подобный же порок.

1970 © Урсула Кроубер Ле Гуин

2 В оригинале малопригодное «бросил» (переводчик И. Тогоева). (прим. ред. Alex.Rus.UA)
3 В оригинале «Яне» слитно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)
4 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«Вдогонку»

Проглотив наркотик, он понял, что делать этого не следовало; понял так же отчётливо, как водитель автомашины понимает, что сейчас произойдёт, когда прямо ему в лоб несётся со скоростью 70 миль в час⁵ огромный грузовик. Понимание этого возникло внезапно, откуда-то изнутри, и было предельно отчётливым. Горло сдавило, под ложечкой свернулся, словно морской анемон, противный тугой комок, но было уже слишком поздно: наркотик начал свой путь по пищеводу — горьковатое лакомство, вроде экзотического печенья с остро-кислой начинкой, маленький заряд неведомой ещё бодрости — и за ним как бы тянулся ржавый след разъедающего дýшу ужаса, словно Льюис умудрился живьём проглотить ядовитую улитку. Но как раз ужаса и не должно быть. Раньше Льюис об этом как-то не подумал, а теперь было уже слишком поздно. Нельзя позволить страху завладеть собой. Страх всё на свете оглушает, а тех, кто боится — их очень и очень много, этих несчастных, — отправляет в мусорную корзину, в сумасшедший дом, и там они трусливо забиваются в угол и молчат, молчат...

Тебе нечего бояться, кроме самого страха.

Да, сэр. Да, сэр, мистер Рузвельт, сэр.

Вот что надо сделать — расслабиться и подумать о чём-нибудь приятном. *Если насилие неизбежно...*

Он смотрел, как Рич Харринджер открывает свой пакетик (всё тщательно взвешено на аптекарских весах и гигиенично упаковано двумя будущими выпускниками химического колледжа; и они молодцы, и американский принцип свободного предпринимательства хорош — пусть этот бизнес не совсем законный, но ведь для Америки подобное в порядке вещей: *здесь столь мало законного, что даже ребёнок может быть незаконным*) и глотает свою маленькую кисленькую улитку с явным и отчётливо написанным на его физиономии удовольствием. *Если насилие неизбежно, расслабьтесь и наслаждайтесь.* Раз в неделю.

Но разве существует что-либо абсолютно неизбежное, кроме смерти? Почему я *должен* расслабиться? Зачем мне *этим* наслаждаться? Я стану бороться. Не хочу я *«путешествовать»* вашим дурацким способом! Я начну бороться с наркотиком сознательно, целенаправленно, не паникуя; мы ещё посмотрим, чья возьмёт! Вот здесь для вас приготовлен ЛСД-альфа⁶, 100 миллиграммов в упаковке, простенькая такая упаковочка, а здесь, дорогие дамы и джентльмены, груды самых различных наркотиков, целых

5 В метрической системе 70 миль/ч — это почти 113 км/ч. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

6 диэтиламид, производное лизергиновой кислоты; оказывает галлюциногенное действие (ориг. прим.)

166 фунтов⁷! Эй вы, нюхачи в белых штанах, с красными плоскими кейсами, с синими мешками под глазами — *налейте! И выпустите меня отсюда! Выпустите меня!* Звяк...

Но ничего не произошло.

Льюис Синди Дэвид, просто так, без фамилии, то ли еврей, то ли древний кельт, приткнувшийся в уголке, осторожно огляделся. Все трое его приятелей выглядели нормально, он хорошо их видел, хотя дотянуться и потрогать не мог. Никакой ауры вокруг них не возникло. Джим возлежал на отвратительном, кишасщем клопами диване с журнальчиком в руках — наверное, хотел отправиться во Вьетнам, а может, в Сакраменто. Рич выглядел довольно вялым — как и всегда, впрочем. Он был вялым даже во время бесплатного ленча в парке. Зато Алекс был полностью во власти своей гитары, получая бесконечное наслаждение от каждого удачно взятого аккорда.

Серебряные аккорды. Рекорды. *Sursum corda*⁸... Конечно, если он повсюду таскает с собой гитару, то почему бы ему не взять на ней пару аккордов? Или рекордов? Нет. Не злись.

Раздражительность — признак потери самообладания.

Раздражительность следует подавить. *А ты подави всё сразу, а? Эй, надзиратель, подавить их! Давайте, ребята, давите на здоровье!*

Льюис встал, с удовольствием убеждаясь в адекватности собственных реакций и отличной работе вестибулярного аппарата, и налил в стакан воды из-под крана. Раковина была омерзительна: волосы, оставшиеся после бритья, плевки зубной пасты «Колгейт», мерзкие ржавые и красноватые потёки... *Нет, это какой-то притон! Ну и что? Да, гнусный маленький притончик — зато свой собственный. Интересно, почему он живёт в такой помойке? Зачем просил Джима, Рича и Алекса прийти сюда и поделиться своим «лакомством»?* Ему и так достаточно паршиво, чтобы стать ещё и наркоманом. Скоро в комнате будет полно вялых тел, остекленелых глаз, закатившихся под лоб, а потом мраморными шариками выпрыгнувших из глазниц прямо в пыль под кроватью...

Льюис осмотрел стакан с водой на просвет, потом отпил примерно половину, а оставшейся водой начал потихоньку поливать росток оливы в треснувшем десятицентовом горшке. *«Выпей за моё здоровье»,* — пробормотал он, изучая крошечное деревце.

Его олива была пяти дюймов⁹ росту, однако выглядела она почти совсем как настоящая — такая же шишковатая и прочная. Его «бонсай», его карликовое деревце.

7 В метрической системе 166 фунтов — это более 75 кг. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

8 «Горе сердца», выше сердца (лат.), возглас католического священника во время мессы. (ориг. прим.)

9 В метрической системе 5 дюймов — это 12,7 см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Ура, маленькая олива, банзай! Но где же *сатори*, где пресловутое «внезапное озарение»? Где понимание сокровенного, где обострение всех чувств, где все эти фантастические формы, яркие цвета, неожиданные значения? Где как бы высвеченная наркотиком реальность? О Господи, сколько же ещё нужно времени, чтобы это проклятое снадобье наконец подействовало? Вот его оливковое деревце. Точно такое же, как и было. Ни больше ни меньше. И никаким особым символом ему не кажется. Точно так и люди орут: «*Мира, мира!*» — а мира на Земле всё нет. Наверное, не хватает на всех оливковых деревьев — слишком бурно растёт население...

Ну и что, это ли пресловутое «обострённое восприятие действительности»? Нет уж, чтобы до такого додуматься, наркотик и близко не нужен. Ну же, давай! *Трави меня, трави! Эй, галлюцинации, где вы? Явитесь, я вызываю вас на поединок, я буду биться с вами, я вас возненавижу... и проиграю битву, и сойду с ума — в полном молчании...*

Как Изабель.

Вот почему он живёт в этой помойке, вот почему попросил Джима, Рича и Алекса прийти сюда и вот почему отправился *путешествовать* вместе с ними — надеялся на дивное плавание, чудесный праздник, волшебный отпуск... Он пытался *догнать свою жену*. Это невыносимо — видеть, как твоя жена у тебя на глазах сходит с ума и сделать ничего невозможно. И нельзя отправиться вместе с ней. А она уходит всё дальше и дальше, не оглядываясь, по длинной-длинной дороге — в молчание. Сладкоголосая лира любви умолкает, зато сладкоголосые психиатры лгут в один голос. Ты стоишь за прозрачной стеной собственного здравого смысла — словно в аэропорту, провожая или встречая кого-то, — и у тебя на глазах самолёт твоей жены падает. Ты кричишь: «*Изабель!*» — но она не слышит. Ничего не слышит. И самолёт падает на землю — в полной тишине. Она уже не могла услышать, как он зовёт её по имени. Не могла и сама заговорить с ним. Теперь стёны, разделявшие их, стали совсем толстыми, из прочного кирпича, и он мог как угодно безумствовать в хрустальном дворце собственного душевного здоровья. Мог пытаться разбить его стёны камнями. Или наркотиками. Звяк, бряк, вдрызг...

АСД-альфа, конечно же, до полного безумия не доводит.

Этот наркотик даже не оставляет следа в ваших генах. Он *просто делает доступной высшую реальность*. Как шизофрения, подумал Льюис. Но вот в чём загвоздка: *поговорить-то там всё равно ни с кем нельзя, нельзя ни рассказать о себе, ни спросить...*

Джим уронил наконец свой журнал. Он сидел в изысканно-небрежной позе, глубоко затягиваясь табачным дымом. Явно был намерен общаться с высшей реальностью «*на ты*». Как буддийские монахи. Джим всегда был *истинно верующим*, и теперь жизнь его сосредоточилась на эксперименте с АСД-альфа — так глубоко уйти в таинство своей науки способен лишь средневековый мистик. Но *хватит ли упорства неделю за неделей заниматься одним и тем же? И в тридцать лет? И в сорок два? И в*

шестьдесят три? Всё-таки должно быть ужасно скучно; что-то в этом есть враждебное самой жизни; наверное, для подобных занятий лучше уйти в монастырь. Заутрени, обеды, вечера, тишина, надёжные стены вокруг, высокие, прочные. Чтобы *преградить доступ низшей реальности*.

Ну давай же, галлюциноген, делай своё дело! Вызывай галлюцинации, пусть я совсем *загаллюцинируюсь*. Разбей эту прозрачную стену. Дай мне пойти тем путём, которым ушла моя жена. Ушла из дому и не вернулась молодая женщина 22 лет, рост 5 футов 3 дюйма¹⁰; вес 105 фунтов¹¹, волосы каштановые, принадлежит к человеческой расе, пол женский... Она ведь не умеет слишком быстро ходить. Я бы и на одной ноге сумел догнать её. *Перенеси меня туда, к ней...* Нет.

Я сам отправлюсь за ней вдогонку, решил Льюис Синди Дэвид. Он перестал по капельке поливать своё оливковое деревце и посмотрел в окно. За грязным стеклом в сорока милях¹² от него виднелась Маунт Худ¹³, почти идеальный конус в две мили¹⁴ высотой. Спящий вулкан, официально не признанный, однако, потухшим, он полон дремлющего до поры огня. На вершине Маунт Худ и свои облака, и свой собственный климат, иной, чем у подножия: там вечные снега и ясный чистый свет. Вот потому-то он и торчит в этой помойке — *здесь из окна видна высшая реальность*. Выше обычной на одиннадцать тысяч футов¹⁵.

— Чёрт меня побери! — вслух удивился Льюис, чувствуя, что вот-вот ему откроется нечто действительно важное. Впрочем, подобное ощущение у него бывало довольно часто и без помощи химии. Ведь существовала ещё и гора.

Между ним и горой лежали груды всякого мусора, асфальтированные дороги, пустые конторы и министерства, громоздились пригороды и мигали неоновые слоны, поливавшие струёй из хобота неоновые машины, а вода от них разлеталась неоновыми блёстками. Подошва горы вместе с предгорьями пряталась в бледном тумане, так что издали казалось, будто вершина куда-то плывёт.

Льюису вдруг очень захотелось заплакать и произнести вслух имя жены. Он подавил это желание, уже целых три месяца он подавлял его — с мая, с тех пор как отвёз Изабель, молчавшую уже несколько месяцев, в лечебницу. В январе, перед тем как замолчать, она очень много плакала, иногда целыми днями, и он стал бояться слёз. Сперва слёзы, потом молчание. Ничего хорошего.

*О Господи, как же мне из этого выпутаться!?*¹⁶

10 В метрической системе 5 футов 3 дюйма — это 190 ½ см. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

11 В метрической системе 105 фунтов — это почти 48 кг. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

12 В метрической системе 40 миль — это почти 64 ½ км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

13 вершина вулканического происхождения в Каскадных горах, Северный Орегон (ориг. прим.)

14 В метрической системе 2 мили — это чуть более 3,2 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

15 В метрической системе 11 000 футов — это более 3,35 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

16 В оригинале только восклицательный знак, без вопросительного. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Льюис расслабился, прекратил борьбу с неосязаемым врагом и теперь умолял о пощаде. Он просил наркотик в его крови начать наконец действовать, сделать хоть что-нибудь — позволить ему заплакать или увидеть что-то небывалое — как-то *освободить его от этого безумия...*

Но ничего не происходило.

Он перестал по капельке поливать своё оливковое деревце и осмотрел комнату. Сыровато, зато просто, и из окон прекрасный вид на Маунт Худ, а в ясные дни видно и похожую на зуб мудрости Маунт Адамс¹⁷. Однако здесь никогда ничего не происходит. Здесь всего лишь «зал ожидания». Он взял со сломанного стула своё пальто и вышел из комнаты.

Это было отличное пальто, на чисто шерстяной подкладке, с капюшоном; мать и сестра в складчину купили пальто к Рождеству, отчего Льюис почувствовал себя таким Раскольниковым. Только вот не собирался убивать старушку-процентщицу. Даже понарошку. На лестнице он встретился с малярами и штукатурами. Их было трое, они со стремянками и вёдрами шли наверх приводить в порядок его комнату. Спокойные мужчины со здоровым румянцем на щеках; лет сорока-пятидесяти¹⁸. Эх, бедняги, что же они с этой раковиной-то делать будут? И с теми троими, альфой отравленными,¹⁹ — Ричем, Джимом и Алексом, — пребывающими сейчас где-то в райских куцах? И с кучей его собственных заметок о Ленотре и Олмстед²⁰? И с четырнадцатью фунтами²¹ фотографий японской архитектуры? С его мольбертом, рыболовными снастями и собранием сочинений Теодора Старджона в потрясающих переплётках? С огромной, 8×10 футов²², незаконченной картиной маслом — худосочная «ню», работа его приятеля, примазавшегося к выставке самого Льюиса? С гитарой Алекса, с оливковым деревцем, со всей этой пылью и мраморными глазными яблоками под кроватью? Ну, это их проблемы. Льюис продолжал спускаться по лестнице, пахло кошками, башмаки с металлическими подковками громко стучали по ступенькам.

Ему казалось, что всё это когда-то ужé с ним было.

17 В оригинале великомогучая транскрипция «Маунт Эдамс» (переводчик И. Тогоева), хотя несомненно подразумевается Mount Adams, т. е. гора Адамс — заснеженный потухший вулкан на юге штата Вашингтон (Washington), на границе национального лесного заказника Гиффорда Пиншо (Gifford Pinchot National Forest) и резервации Якима (Yakima Reservation); высшая точка (3742 м) Каскадных гор (Cascade Range). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

18 В оригинале «сорока — пятидесяти» через тире вместо дефиса. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

19 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

20 Андре Ленотр (1613-1700) — французский архитектор, мастер садово-паркового искусства, создатель «французского» типа парка; Фредерик Лоу Олмстед (1822-1903) — американский архитектор — пейзажист, создатель Центрального парка в Нью-Йорке. (ориг. прим.)

21 В метрической системе 14 фунтов — это почти 6 ½ кг. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

22 В оригинале «8x10 футов» (через кириллическую «х»), а в метрической системе 8×10 футов — это примерно 2,44×3 м. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Потребовалось немало времени, чтобы выбраться из города. Поскольку пользоваться общественным транспортом *«людям в состоянии наркотического опьянения»*, конечно же, было запрещено, он не стал садиться на попутный автобус до Грешема, хотя это здорово сэкономило бы ему время. Однако времени у него более чем достаточно. Вечерá летом долгие, светлые; это весьма кстати. Сперва наступают лёгкие бесконечные сумерки, и только потом постепенно спускается ночь. На этой долготе — середина между экватором и полюсом — нет ни тропической монотонности, ни арктических абсолютов; зимой нóчи длинные, а летом длинные вечерá, когда один оттенок света сменяет другой и понемногу наступает как бы помутнение ясности, утончённый ленивый отдых света.

Дети носились в зелёных парках Портленда, по длинным улицам, ответвляющимся вбок от главной, идущей вверх магистрали. То была какая-то всеобщая игра — Игра Юных. Лишь изредка можно было заметить одинокого ребёнка; такие играли в Одиночество по большой ставке. Некоторые дети — прирождённые игроки. Мусор по краям сточных канав шевелился от дыхания тёплого вётра. Над городом плыл далёкий и печальный звук — казалось, режут запертые в клетках львы, мечутся, подрагивая золотистыми шкурами, нервно бьют хвостами с жёлтыми кисточками и режут, режут... Солнце село, исчезнув где-то на западе, за городскими крышами, но вершина горы сияла по-прежнему, горела ослепительным белым огнём. Когда Льюис наконец выбрался из пригородов и пошёл среди дивных, отлично возделанных полей по холмам, ветер дохнул запахами сырой земли, прохлады и ещё чего-то сложного, как бывает ночью. На крутых склонах, покрытых густыми лесами, уже сгущалась тьма. Но времени у него было ещё много. Прямо над головой, впереди, сняла белая вершина, чуть отливая желтоватым абрикосом там, где её касались последние закатные лучи. Поднимаясь вверх по длинной крутой дороге, Льюис сперва нырнул в густую тень горного леса, потом снова очутился на открытом участке — словно попал в потоках золотистого света. Он шёл вперед, пока лесá не остались далеко внизу и он не поднялся над сгущавшейся тьмой, оказавшись на такой высоте, где были только снега и камни, воздух и бескрайний, чистый, вечный свет.

Но он был по-прежнему один.

Нет, это *несправедливо*! Он же не был один *тогда*. И теперь должен был встретиться... Он был тогда вместе... Где?

Ни лыж, ни саней, ни снегоступов, ни детской железной горки... Если бы мне поручили распланировать эту местность, Господи, я бы непременно проложил тропу — прямо вот *здесь*. Пожертвовал бы величием во имя удобства. Всего-то одну маленькую тропинку! Никакого ущерба природе. Всего лишь одна крошечная трещинка в Колоколе Свободы. Всего лишь одна крошечная протечка в плотине, всего лишь крошечный взрыватель, вставленный в бомбу. Всего лишь маленькая причуда. *О, моя безумная девочка, моя безмолвная любовь, жена моя, которую я предал хаосу, ибо она не пожелала услышать меня... О, Изабель, приди, спаси меня от себя самой!*

Я ведь *за тобой* карабкался *сюда*, где и тропинок-то нет, и теперь стою здесь *один*, и некуда мне идти...

Закат догорал вдали, и белизна снѣга приняла мрачноватый оттенок. На востоке, над бесконечными горными вершинами, над тѣмными лесами и бледными озѣрами в холмистых берегах был виден гигантский Сатурн, яркий и кровожадный.

Льюис не знал, где остался «Охотничий приют», наверное, где-нибудь на опушке, но сам он сейчас был гораздо выше лесов и ни за что не хотел спускаться вниз. *К вершине, к вершине! Выше и выше!* Этаким юный знаменосец снегов и льдов — только вот девиз на знамени странный: *ПОМОГИТЕ, ПОМОГИТЕ, Я ПЛЕННИК ВЫСШЕЙ РЕАЛЬНОСТИ*. Он поднимался всё выше. Карабкался по диким скалам; волосы растрепались, рубашка выехала из брюк. Он плакал, и слѣзы скатывались вниз по щекам и по подбородку, но сам он упорно полз вверх — странная слезинка на щеке горы.

Ужасно встречать ночь на такой высоте — слишком одиноко.

Свет не стал медлить ради него. И времени теперь совсем не осталось. Он исчерпал свой запас времени. Из потоков тьмы выглянули звѣзды и уставились прямо ему в глаза; он видел их всюду, стоило лишь отвести взгляд от огромного белого сходящегося конусом пространства — он впервые шѣл по долине, расположенной *так* высоко. По обе стóроны этой белой долины зияли тѣмные пропасти, в их глубинах сияли звѣзды. И снег тоже светился — собственным холодным светом, так что Льюис мог продолжать свой путь на вершину.

Ту тропу он вспомнил сразу, едва выйдя на неё. Бог ли, государственные службы, или он сам — но *кто-то всё же проложил здесь тропу*. Он свернул направо — и зря. Тогда он пошѣл налево и замер,²³ как вкопанный: не зная, куда идти дальше. И тогда, дрожа от хóлода и страха, он выкрикнул, адресуя мертвенно-белой вершине и чѣрному небу, усыпанному звѣздами, имя своей жены: *Изабель!*

Она вышла из темноты и по тропе спустилась к нему.

— Я ужѣ начала беспокоиться, Льюис.

— Я зашѣл дальше, чем мог, — ответил он.

— Здесь такие долгие светлые вечера, что кажется, будто ночь никогда не наступит...

— Да, правда. Прости, что заставил тебя волноваться.

— О, я не волновалась. Знаешь, это у меня просто от одиночества. Я подумала, может, ты ногу повредил... Хорошая была прогулка?

— Потрясающая.

— Возьми меня с собой завтра, а?

23 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Что, лыжи ещё не наскучили?

Она помотала головой, покраснела и пробормотала:

— Нет, *я без тебя не катаюсь.*

Они свернули налево и медленно пошли вниз по тропе. Льюис всё ещё немного прихрамывал из-за порванной связки — из-за этого он два последних дня и не мог кататься на лыжах. Они держались за руки. Снег, звёздный свет, покой. Где-то под ногами огонь, вокруг темнота; впереди — горящий камин, пиво, постель... Всё в своё время. *Некоторые — прирождённые игроки — всегда предпочитают жить на краю вулкана.*

— Когда я была в лечебнице, — сказала Изабель, замедлив шаг настолько, что он остановился, и теперь не было слышно даже шороха их шагов на сухом снегу — вообще ни одного звука, только тихий её голос, — мне снился один такой сон... *страшный...* Это был... *самый важный сон в моей жизни.* И всё-таки в точности вспомнить я его не могу — никогда не могла, никакие лекарства не помогали. Но, в общем, он был примерно такой: тоже тишина, очень высоко в горах, и выше гор — тишина... *Превыше всего — тишина.* Там, во сне, было *так* тихо, что, если бы я что-то сказала, ты внизу смог бы услышать. Я это знала точно. И мне кажется, я назвала тебя по имени, вслух, и *ты действительно меня услышал — ты мне ответил...*

— Назови меня по имени, — прошептал он.

Она обернулась и посмотрела на него. На склоне горы и среди звёзд стояла полная тишина. И она отчётливо произнесла его имя.

А он в ответ назвал её имя и обнял её. Обоих била дрожь.

— Холодно, как холодно, пора спускаться вниз.

Они двинулись дальше, по туго натянутому меж двух огней канату.

— Посмотри, какая огромная звезда *вон там!*

— *Это планета. Сатурн. Отец-Время.*

— Он съел своих детей, верно? — прошептала она, крепко сжимая его руку.

— Всех, кроме одного, — ответил Льюис.

Они прошли ещё немного вниз и увидели на покрытом чистым снегом склоне горы в серовато-жемчужном свете звёзд тёмную громаду «Охотничьего приюта», кабинки подвесной дороги и уходящие далеко вниз канаты.

Руки у него заledenели, и он на минутку снял перчатки, чтобы растереть их, но ему ужасно мешал стакан воды, который он нёс в руке. Он перестал по капельке поливать своё оливковое деревце и поставил стакан рядом с треснувшим цветочным горшком. Но что-то всё ещё сжимал в ладони, словно шпаргалку на выпускном экзамене по французскому — *que je fasse, que tu*

fasse, qu'il fasse²⁴ — маленькую, слипшуюся от пота бумажку. Некоторое время он изучал лежащий на ладони предмет. *Какая-то записка? Но от кого? Кому? Из могилы — в чрево?* Маленький пакетик, запечатанный, и в нём 100 миллиграммов ЛСД-альфа в сахарной облатке.

Запечатанный?

Он припомнил, с необычайной точностью и по порядку, как *открыл* пакетик, *проглотил* его содержимое, почувствовал *вкус* наркотика. Он столь же отчётливо помнил, *где* был после этого, и догадался, что *никогда не бывал там раньше*.

Он подошёл к Джиму, который теперь как раз выдыхал тот воздух, который вдохнул, когда Отбис сунул пакетик ему в карман пиджака.

— А ты разве не с нами? — спросил Джим, ласково ему улыбаясь.

Льюис покачал головой. Ему было трудно объяснить, что *он уже вернулся из путешествия, которого не совершал*. Впрочем, Джим бы его всё равно не услышал. Они были отгорожены друг от друга такими стенами, которые не дают возможности слышать других и отвечать им.

— Счастливого путешествия, — сказал Льюис Джиму.

Потом взял свой плащ (*грязный поплин, какая там шерстяная подкладка, эй, бродяга, стой, погоди*) и пошёл по лестнице вниз, на улицу. Лето кончалось, наступала осень. Шёл дождь, но сумерки ещё плыли над городом, и ветер налетал сильными холодными порывами, принося запах сырой земли, лесов и ночи.

1970 © Урсула Кроубер Ле Гуин

24 спряжение глагола «faire» (делать) в сослагательном наклонении (ориг. прим.)

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ:

«Вдогонку» Урсула Кроубер Ле Гуин
«The Good Trip» Ursula Kroeber Le Guin
1970 © Ursula Kroeber Le Guin/Урсула Кроубер Ле Гуин
editor: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Авторство документа:	Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus
Редакция и оформление:	21.09.2017
Время редактирования:	00:48:44
Количество сохранений:	27

Общее количество страниц:	16
Общее количество абзацев:	165
Общее количество слов:	4116
Общее количество символов:	26683

Copyright © 1970 by Ursula Kroeber Le Guin

Copyright © 1997 by И. Тогоева (перевод)

*Copyright © 21.09.2017
by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus*

Le Guin